

Судебная экспертиза и вклад лингвиста в интерпретацию закона

Даниель Вайс

Распад СССР и переход к новому общественному строю повлекли за собой глубокие изменения правовых норм в российском обществе. Из собраний уставов исчезли одни статьи, другие же вошли в них впервые либо вернулись вновь, а третьи были подвергнуты коренному изменению. К примеру, если дореволюционное право знало состав диффамации, то советское законодательство устранило его; в новом же Уголовном кодексе он вновь представлен, правда, не под дореволюционным названием, а как подвид клеветы (ст. 129. 2). Восстановление рыночной экономики отразилось, например, в усилении правовой защиты товарных знаков, а также в том, что к постановлениям о защите чести и достоинства добавилось дополнение «и деловой репутации». Примеры можно продолжить. Но демократизация общества и возникновение нового, ссылавшегося на свободу слова и более агрессивного типа СМИ, привели и к изменению межличностных отношений. В частности, начиная с 90-х годов в суды РФ хлынула волна исков о защите чести и достоинства. Тем самым возник спрос на компетентных специалистов, способных проводить экспертизы по таким делам. По словам президента Адвокатской палаты г. Москвы, «„лингвистической наркотизации“ способствовал состав участников диффамационных процессов: обидчиками или обиженными [...] выступают государственные мужи (губернаторы, мэры, депутаты, прокуроры etc.)»¹ А

¹ Из предисловия к монографии А.Н. Баранов, 2007, *Лингвистическая экспертиза текста*, Москва, с. 3.

вот несколько лет спустя начали появляться и первые научные публикации, посвященные проблемам судебной лингвистики, будь то целые монографии,² будь журнал,³ будь отдельные статьи.⁴ Таким образом, судебная лингвистика в России моложе и ее возникновение обусловлено иначе чем, например, в англосаксонском мире, где она имеет более глубокие корни и охватывает более широкий диапазон применений.⁵ С другой стороны следует подчеркнуть, что во многих странах такая традиция до сих пор полностью отсутствует; так, ни один из опрошенных мною швейцарских судей, адвокатов и прокуроров не помнит ни одного случая, когда бы привлекался лингвист к оценке дела, связанного с «вербальным преступлением». Обосновывается это обычно тем, что мол «суд ведь сам обязан истолковать букву закона». Чем обусловлено такое убеждение, не совсем понятно; на наш взгляд, привлечение лингвиста в качестве эксперта по таким делам столь же оправданно, как, например, включение психолога либо социолога в других делах.

Настоящая статья преследует цель представить характерные случаи, в которых в российском судопроизводстве заказываются лингвистические экспертизы, и выяснить, какие нормы здесь приняты при интерпретации закона и трактовке языковых практик, способных нарушить закон. После краткого обзора возможных предметов, способствующих включению лингвиста, и общей характеристики особенностей юридического языка мы приступим к раз-

- 2 Кроме указанной в сноске 1 монографии, в основе которой лежат ок. 200 составленных автором экспертных заключений, накопленных в течение 15-летней деятельности, сюда относятся: М. Горбаневский, ред. 2001, *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*, Москва, и М. Осадчий, 2007, *Правовой самоконтроль оратора*, Москва.
- 3 *Юрислингвистика*, выпуск 1–6, под ред. Н.Д. Голева, Барнаул, 2002 сл. Хотя предмет юрислингвистики шире, судебная лингвистика здесь занимает центральное место.
- 4 См. И.Б. Левонтина, 2005, «Буква и закон: Судебная лингвистическая экспертиза», *Отечественные записки* 2, <http://www.strana-oz.ru/?article=1050&numid=23>, И.Б. Левонтина, 2008, «Слово не воробей (О некоторых аспектах судебной лингвистической экспертизы)», *Общественные науки и современность* 6, с. 151–59.
- 5 Впечатляющий обзор возможных ролей лингвиста в американском судопроизводстве дается в статье W. Labov, 1988, "The Judicial Testing of Linguistic Theory," *Linguistics in Context: Connecting Observation and Understanding*, ed. D.Tanner, Norwood, с. 159–82.

бору двух отдельных проблем. Сначала мы обсудим разграничение между выражением мнения и утверждением факта. Эта граница сугубо важна для осуществления свободы мнения, гарантируемой международной Конвенцией о защите прав человека и Конституции РФ; в силу этих постановлений только утверждения фактов могут стать предметом судебного дела. Поскольку, однако, принятые до сих пор нормы интерпретации в этой области на наш взгляд явно неоправданны, будет предложена альтернативная трактовка языковых маркеров преположений типа *по-видимому*, *наверно* и т.п. В заключение разбору будет подвергаться правовая оценка трех разных типов имплицитной информации: отсутствие модальных маркеров, пресуппозиции и конверсационные импликатуры.

Вся проблематика судебных экспертиз очевидным образом укладывается в рамки общей тематики данного сборника: существующие нормы интерпретации часто недостаточно определены и нуждаются то в уточнении, то в основной проверке. «Удельный вес» вклада лингвистики при этом остается открытым; поэтому в статью были включены общие соображения о шансах отдельных экспертиз повлиять на решение подобных дел в будущем и указание на один реальный случай из США, где экспертиза лингвиста У. Лабова действительно повлияла на нормы формулирования юридически релевантных текстов с учетом языковых способностей возможных адресатов.

Уточним сначала, в каких судебных делах требуется лингвистическая экспертиза. Типичные преступления, вызывающие привлечение лингвиста,—это по Уголовному кодексу (УК): Оскорбление (ст. 130 УК), Клевета (ст. 129), Угроза (ст. 119) и Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), а по Гражданскому кодексу (ГК): Защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152). Из административного права (АП), пожалуй, самым лингвистически «чувствительным» постановлением является ст. 20.20 АП о мелком хулиганстве, поскольку оно регулирует публичное употребление неприличной брани (мата). Другие типичные предметы лингвистической интервенции (они здесь не будут обсуждаться) охватывают защиту товарных знаков (названий продуктов, брендов, слоганов⁶ и т.п.) и запрет на употребление

6 Ср. разбор слогана *Знай наших!*, Баранов, 2007, с. 396–403.

суперлативов из Закона о рекламе,⁷ право на реплику из Закона «О средствах массовой информации», а из других областей — плагиаты в научных, художественных либо рекламных текстах, проверку авторства и т.п. При этом юридические источники эксперта не исчерпываются указанными собраниями законов; к ним примыкают соответствующие комментарии, а также постановления об их применении вроде Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Кроме того, лингвисту зачастую приходится прибегать к отдельным законам типа Постановления министерства труда и социального развития РФ от 21 января 1997 г. № 1, где определяются разные степени телесной неполноценности, либо Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

В англосаксонских странах судебная лингвистика вызывает в первую очередь ассоциацию с *идентификацией виновных*. Действительно, фонетик здесь призван внести свой вклад при распознавании голоса и определении артикуляционных особенностей, диалектолог и социолингвист — при установлении территориальной и социальной принадлежности искомого преступника, а специалист по лингвистике текста может попытаться уловить стилевые и композиционные особенности его вымогательских писем, и т.п. Это безусловно увлекательная тема, и иногда специалисту удается повлиять решающим образом на судебный приговор. Так, Уильям Лабов смог на основе диалектологического анализа доказать, что голос анонимного автора звонка в американскую авиакомпанию, угрожавшего подложить бомбу, не был тождественным голосу подсыдимого Принзивалли:

When the defense attorney rose to present his final argument, Judge Ringer said that there was no need for him to do so. He *acquitted* the defendant, finding on the basis of *linguistic testimony* evidence of a reasonable doubt that Prinzivalli had committed the crime.⁸

7 См. разбор ролика соленых сухариков *К пиву нет закуски приятней!* в: Баранов, 2007, с. 383.

8 Labov, 1988, с. 180 (курсив мой, — Д.В.).

Судебная фонетика не чужда и российским специалистам, но в целях экономии мы вынуждены оставить этот предмет в стороне. Добавим лишь, что ее вклад не сводится только к анализу звучащей речи, но охватывает и проверку магнитофонных записей, особенно в случае манипуляции ленты (например, монтажа фрагментов, принадлежащих к разным источникам).

Лингвистические экспертизы могут возникнуть по заказу одной из сторон (истца, ответчика, адвоката, частной фирмы либо патентного поверенного), либо по заказу самого суда или органов дознания. В первом случае они могут приниматься либо отвергаться судом, во втором же они автоматически получают статус доказательства.⁹ Кроме того, экспертизу может вместо индивида создать целая комиссия, в состав которой наряду с лингвистом входят эксперты по другим специальностям (например, социальной психологии, политологии, рекламе, и т.п.); такой подход характерен для дел, касающихся порнографии, разжигания национальной розни и др.

Каковы шансы эксперта-лингвиста внести свой вклад в разработку нормативной интерпретации понятий, релевантных в судебной практике? Отметим сразу, что он не принимает участия в подготовке текста закона: «Нормы закона формулируются небрежно. Лингвисты к оценке формулировок, насколько я знаю, не привлекаются».¹⁰ Следовательно, его роль ограничивается интерпретацией закона, и здесь заранее очевидно, что лучшие перспективы имеют экспертизы, которые выполняются по определению суда, а не по инициативе сторон. В принципе вырисовываются четыре пути достижения успеха. Во-первых, данная экспертиза может служить основанием для других экспертов, которые на нее ссылаются, анализируя подобные тексты; по сообщению А.Н. Баранова, такие случаи действительно уже имели место в последние годы. Однако гораздо надежнее выглядит второй путь: если одна из сторон обжалует решение суда и та же экспертиза служит доказательством для высшей инстанции, она вызовет несомненно больше интереса у заинтересованных органов. Кстати, «апелляционная или кассационная инстанция может назначить еще одну экспертизу — повторную

9 Баранов, 2007, с. 13.

10 Левонтина, 2008, с. 158.

или дополнительную. Такая ситуация возможна в том случае, если имеющаяся экспертиза вызывает сомнения или открылись новые обстоятельства дела, не учтенные первой судебной инстанцией» (личное сообщение А.Н. Баранова). А если дело вместе с экспертизой дойдет до Верховного суда, то это уже «верх блаженства». Таких случаев, однако, пока не наблюдалось. То же самое верно, в-третьих, для существующих комментариев к УК либо ГК: они регулярно пополняются, но до сих пор ни одна лингвистическая экспертиза не попала на этот Олимп. Кстати, иначе обстоит дело с экспертизами американского социолингвиста У. Лабова, которому удалось пробить новый, лучше приспособленный к широкой малограмотной публике стандарт языкового оформления судебных документов на федеральном уровне, ср.: «Though the U.S. Steel case was not won, it introduced into federal courts the issue of the responsibility of the judicial system to *communicate its instructions clearly to the public that must act on them*».¹¹ Это, однако, норма другого типа, чем нормы, которые будут обсуждаться в настоящей статье.

Остается четвертая возможность: лингвист может опубликовать свои выводы, снабжая их выбранными примерами либо из собственных, либо из чужих экспертиз, с надеждой на то, что среди читателей окажется как можно больше представителей юриспруденции. Так поступили авторы процитированных уже русских работ. Что касается монографии А.Н. Баранова (2007), то имеется большая надежда, что она дойдет до работников судопроизводства, поскольку эта книга была признана в качестве учебного пособия и Минюст распределил 1000 экземпляров среди потенциально заинтересованных учреждений (судов, прокуратур) страны. Таким образом, не исключено, что некоторые выводы этого автора действительно повлияют на будущую судебную практику. Мы здесь поставим перед собой совсем другую цель: мы будем рассматривать проблематичную на наш взгляд существующую норму при юридической трактовке выражений мнения. Но прежде чем приступить к этой критике, необходимо выделить некоторые особенности языка закона.

11 Labov, 1988, с. 169 (курсив мой, — Д.В.).

Общая характеристика юридического языка

Как можно охарактеризовать суть юридической терминологии? Во-первых, она не относится к стандартному (по русской традиции: литературному) языку, а как все специальные языки — к социолектам данного этноязыка. Отличительным признаком специальных языков можно считать требование обладания знаниями научной либо другой профессиональной специальности, накладываемое на их носителей. Тем самым, особенности специальных языков (как и других социолектов) проявляются почти исключительно в *лексике*, а не в грамматике.¹² С другой стороны, в отличие от других социолектов они обыкновенно обладают терминологическим пластом, который подлежит строгой *стандартизации*, чаще всего производимой общепризнанной и уполномоченной инстанцией. Кроме того отличает их от других социолектов (сленгов, арг, жаргонов), что они *социально немаркированы* или пользуются даже (как в случае некоторых научных дисциплин) *высоким престижем*.

На фоне других специальных языков правовой язык отличается двумя особенностями: его стандартизация тесно связана с соответствующим *национальным* законодательством и судопроизводством. Другими словами, даже при наличии единого стандартного языка юридические языки разных стран могут существенно отличаться друг от друга в силу несовпадения систематики составов преступлений и положений дел, разных национальных правовых традиций и т.п. К примеру, так обстоит дело в случае немецкого, австрийского и швейцарского вариантов немецкого языка закона, хотя госязык во всех трех странах один. Вполне возможно, что в будущем подобное расщепление претерпит и русский язык закона, если, скажем, в Прибалтике будет он опять допущен в качестве языка законодательства и судопроизводства.¹³ Подчеркнем, что по этому критерию язык права резко контрастирует с языками научных

12 Исключения немногочисленны. Так, схема склонения таких существительных, как *троса, торта, взвода* в профессиональных жаргонах отличается от стандартной схемы с окончанием И. мн. (А. А. Зализняк, 1967, *Русское именное словоизменение*, Москва, с. 225–27). Из языка закона сюда относится, возможно, спряжение презента *обязуюсь* вместо *обязываюсь*.

13 Это несомненно длительный процесс. Так, в современной Хорватии прилагаются все усилия к тому, чтобы местный вариант лексики, а отчасти даже грамматики стандартного языка, как можно больше отдалить от сербской нормы, но язык закона пока еще не охвачен этой волной инноваций.

дисциплин таких, как, например, медицина, где действует стремление к международной кодификации терминологии.

С другой стороны, именно с медицинской понятийностью объединяет юридическую лексику высокая степень проникновения в общий (стандартный) язык. Оно и понятно: обе дисциплины затрагивают общество самым прямым образом, так что и неспециалисты жизненно заинтересованы в понимании соответствующей терминологии. В результате возникает своеобразная полуграмотность: одни понятия осваиваются широкой публикой полностью, другие — недостаточно, так как их точные значения не раскрываются неспециалистам, а некоторые вообще остаются за пределами языковой компетенции носителей стандартного языка.

Поскольку в дальнейшем речь пойдет о диффузности или многозначности юридических терминов, представляется не лишним сказать несколько слов о *синтаксическом* оформлении юридических документов. Вопреки распространенному мнению, такие тексты отнюдь не более строго регламентированы, т.е. они до такой же степени двусмысленны, как и синтаксис обыденной речи. В частности, это верно для сферы действия таких семантических операторов, как отрицание или модальные операторы. Кроме того, значения союзов *и* и *или/либо* часто не различаются.¹⁴

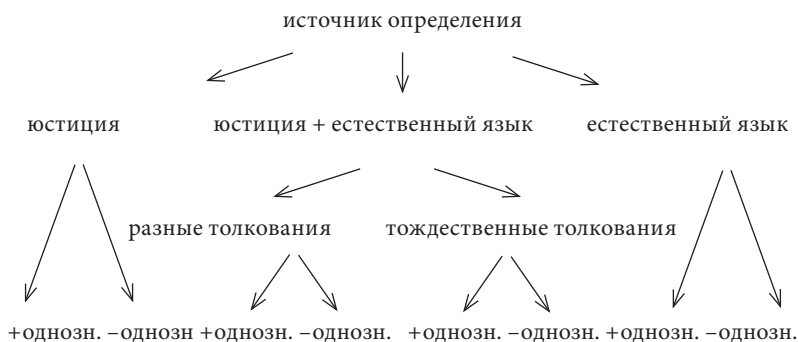
Как известно, юридическая терминология всегда обречена на неполноту, т.е. никогда не в состоянии охватить совокупность всех явлений, которые могут стать предметом правового спора. Поэтому юристам часто приходится прибегать к употреблению понятий из ежедневной речи, которые ни в кодексах, ни в комментариях не имеют определения. Как это ни странно, это верно даже для выражений *порнография* (см. ниже), *мат*¹⁵ либо *общественное место*.

14 Происходит это, например, в УК, когда говорится о преступлениях «против свободы, чести и достоинства личности»: вряд ли здесь подразумевается логическая конъюнкция, но и дизъюнктивное прочтение не вполне удачно ввиду фразеологической связанности пары *честь и достоинство* за счет союза *и*. При этом интересно отметить несостоятельность словоупотребления в том же законе: так, в ст. 129 мы находим: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, [...]»

15 Подробнее об этом: Д. Вайс, 2008, «Уместно ли наказывать за публичное употребление мата? Общественное мнение и здравый разум лингвистов», *Scandoslavica* 54, с. 198–222.

Это, впрочем, не означает, что такие понятия вовсе не обсуждаются блюстителями закона, о чем свидетельствует, например, дискуссия, которая проводилась на Юридическом Форуме Зона Закона.¹⁶ В других случаях имеется как общеязыковое, так и юридическое определение. При этом возможны две ситуации: либо а) эти определения совпадают, либо б) юридическое толкование противопоставлено общеязыковому пониманию того же означающего; такова ситуация термина *оскорбление*, дефиниция которого в Уголовном Кодексе РФ (ст. 131) звучит так: «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Ни в одном из существующих словарей русского языка это слово не толкуется с помощью компонента «неприличная форма». И наконец, существует и целый ряд терминов, свойственных только речи юристов. Сюда относятся, например, *хищение, иск, истец, судимость, показание, оправдывать, имуществво, владение* и т.п. Среди них можно выделить пласт более или менее общеизвестных (хотя и не всегда полностью понятных) выражений, и другой пласт более специфических и поэтому не общеупотребительных понятий. В первый ряд входят только что названные термины, во второй, например— *отвод следователя*. Эта картина еще более осложняется как внутриюридической, так и общеязыковой многозначностью, ср. *заклучение (обвинителя; тюремное), собрание (законодательства; партчленов)* или *отвод (следователя; участка)*.

Таким образом, получается следующая схема разветвления:

¹⁶ См. Вайс, 2008, с. 203 сл.

Итак, лингвистическая экспертиза часто не может опираться исключительно на юридические кодексы и комментарии, а вынуждена прибегать к существующим словарям русского литературного языка. Как и следовало ожидать, и этот путь не всегда надежен, потому что толкования разных словарей иногда существенно расходятся. Поучительны в этом отношении следующие дефиниции понятия *порнография*: «1. Непристойность, крайняя *циничность* в изображении чего-либо, связанного с половыми отношениями. (*Малый Академический Словарь* 1987)», 2. «*Соблазнительное* изображение непристойных сцен для разжигания *низменных инстинктов* (*Словарь иностранных слов*, 1987)», 3. «*Вульгарно-натуралистическое*, непристойное изображение половой жизни в литературе (*Советский Энциклопедический Словарь* 1990)»¹⁷. Как видно, выделенные мною курсивом компоненты единичны, т.е. не повторяются ни буквально, ни в виде перифразы в других толкованиях. Иными словами, данное положение дел может в зависимости от выбора словаря подходить или не подходить к диагнозу «порнография». Кроме того, обоснованность некоторых из процитированных формулировок вызывает сильные сомнения: при чем тут, например, *циничность*? И наконец, выражения типа *соблазнительный*, *циничный*, *низменный* в свою очередь сами явно нуждаются в дефиниции. Короче говоря, традиционные словари не могут считаться авторитетом, окончательно решающим семантические споры перед судом. К сожалению, и *Новый Объяснительный Словарь Синонимов* (НОСС), представляющий современный уровень научной лексикографии, не выручит нас, поскольку судебная лексика там полностью отсутствует. Таким образом, лингвист часто вынужден сам построить нужные толкования; так поступает, например, А.Н. Баранов в случае таких полусинонимов, как *убытки*, *потери*, *ущерб*, *утрата* и *вред* или *компромата*,¹⁸ а И.В. Левонтина — в случае *пропаганды*.¹⁹ Но и таких словосочетаний, где тривиальная, казалось бы, формулировка требует тщательного разъяснения — хоть отбавляй. Сюда относятся, в частности, выражения, выступающие в юридических текстах и ставшие предметом судебного разбирательства: *пороча-*

17 Все три толкования цитируются по раб. Баранов, 2007, с. 529–31.

18 Баранов, 2007, с. 320–52 и 304–307.

19 См. Левонтина, 2005, с. 290; см. также: Осадчий, 2007, с. 63–64.

щие сведения, неприличная форма,²⁰ неправильное поведение, распространение (сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств),²¹ *ограничение способности к самостоятельному передвижению* (при оценке степени инвалидности; здесь лингвисту приходилось устанавливать, является ли протез *вспомогательным средством*).²²

Иногда приходится определить названия целых жанров; в таком случае лексическая семантика сочетается с прагматикой, в частности, с *теорией речевых жанров*. Так, чтобы решить, представляет ли данный текст *призыв* (к разжиганию национальной розни или к экстремистской деятельности), приходится сначала уточнить понятие призыва вообще, а потом установить его типологию.²³ Если обращение к власти содержит формулировки, потенциально унижающие честь и достоинство определенного политика, скажем, мэра данного города, надо доказать, что этот текст соответствует всем критериям, требуемым для жанра *жалобы*, поскольку в таком случае власть даже вынуждена рассмотреть эти обвинения в обязательном порядке.²⁴ Таким образом, деятельность лингвиста-эксперта в судебных делах может внести свою лепту в обогащение теории общей прагматики. Это касается и отдельных речевых актов: так, *угроза* убийством или причинением тяжкого вреда является предметом ст. 119 УК РФ, но состав угрозы там не определяется. Поскольку как раз этот акт речи (в отличие, например, от оскорбления или клеветы) чаще всего выражается в неявной форме, а закон гласит, что «языковая форма должна быть категорична и прозрачна в смысловом отношении»,²⁵ здесь необходимо установить, какие варианты реализации угрозы можно считать достаточно эксплицитными в смысле законодателя.

Диффузность интерпретации данного высказывания может также быть связана с более общей речевой стратегией вроде *иронии*. Как известно, кроме нескольких устойчивых показателей (типа

20 Осадчий, 2007, с. 28–29, 36–42.

21 Оба примера из статьи Левонтина, 2008, с. 155–56.

22 Пример из раб. Левонтина, 2005, с. 284.

23 Баранов, 2007, с. 412–74; Осадчий, 2007, с. 57–63.

24 Баранов, 2007, с. 160–73.

25 Осадчий, 2007, с. 48.

очень нужно...») и определенной интонации не существует надежных сигналов иронии; с другой стороны, она часто метит в конкретных индивидов (собеседника или третьих лиц) и бывает весьма язвительной, если не оскорбительной. Как суд справится с этой дилеммой? Подобным образом, *риторические вопросы* почти никогда не маркируются однозначным показателем, так что в принципе они допускают и нериторическое прочтение; недоброжелательный слушатель выбирает тогда второй вариант. К примеру, швейцарский министр иностранных дел М. Кальми-Рей на одной конференции недавно поставила риторический вопрос: «Разве надо поговорить и с Бин Ладеном?», после чего СМИ сразу сообщили о ее готовности вступить в переговоры с пресловутым террористом. Только анализ контекста позволяет (хотя далеко не всегда!) решить эту проблему.

Итак, судебная практика открывает лингвисту широкие перспективы в области прикладной семантики и прагматики. При этом он может в принципе ограничиться интроспекцией, опираясь исключительно на свою собственную интуицию. Возможен, однако, и более эмпирический подход: так, У. Лабов проводил *опросы* среди потенциально затронутого населения для проверки интерпретации употребляемых в юридических текстах терминов (см. выше, с. 3). Такой подход, разумеется, не исключает возможности интроспекции: оба метода направлены на исследование так называемой внутренней нормы (иначе: «языковое чутье») носителей. Иначе обстоит дело с *корпусной лингвистикой*: с ее помощью исследователь получает данные совсем другого рода, а именно из живого узуса, которые могут совпадать или не совпадать с его собственной языковой интуицией. Ввиду богатых ресурсов, содержащихся в существующих корпусах (к примеру, в русском национальном корпусе), или поисковых машинах Yandex и Google, было бы неразумно отказаться от этого источника для анализа подходящих аспектов. Так, корпусные данные несомненно облегчают контекстуальный анализ: только статистика может, например, показать, следует ли сокращенное выражение *организованная группировка* признать общепринятым синонимом развернутого варианта *организованная преступная группировка*. С другой стороны, самый большой корпус не годится для выявления имплицитных, на поверхности не пред-

ставленных смыслов типа скрытой угрозы или формально немаркированной оценки (см. ниже).

При этом диапазон возможных проблем гораздо шире, чем можно ожидать на основе рассмотренных до сих пор примеров: сюда относятся также разрешение вопроса *синонимии-несинонимии* двух данных выражений, разъяснение *полисемии*, определение степени *фразеологической устойчивости* и установление синтактики (*управления и сочетаемостных ограничений*) данной лексемы, одним словом—весь спектр лексикографических задач. Проиллюстрируем перечисленные аспекты примерами из литературы. Так, в одном случае истец поставил под сомнение вопрос, описывают ли два выражения *отсутствие исправных самолетов* и *устранение технической неисправности* одно и то же положение дел,²⁶ в другом иске ответчик ссылаясь на мнимую двусмысленность прилагательного *скверный* в выражении *скверные слова*. В следующем деле надо было выяснить, может ли сочетание *работать на X-а* кроме обычного значения еще передать тот же смысл, как и в сочетании *Время работает на нас* (т.е. принося пользу). Когда тележурналист С. Доренко сказал, что *ущемил Лужкову достоинство*, лингвист заключил, что именно с этим глагольным управлением (дательный possessора) данная фраза имеет однозначный, неприличный смысл (при первичном значении *достоинства* требуется генетив possessора).²⁷ И наконец, устойчивость фраземы *организованная преступная группировка* настолько велика, что даже при эллипсисе компонента *преступная* смысл остается неизменным, и претензии истца по поводу употребления усеченного варианта вполне оправданы.²⁸

Для полноты картины добавим, что в лексическом плане отражается и жанровая дифференцированность юридических текстов. Так, терминологическая насыщенность несомненно больше в чисто научных текстах вроде комментариев, чем, скажем, в сборнике законов либо в Конституции РФ. Но затронута и морфология. Например, для русского словообразования в целом характерны значительные лакуны в деривации феминативов (названий лиц женского пола). Мужской эквивалент тогда перенимает и женскую

26 Пример из раб. Левонтина, 2005, с. 285.

27 Левонтина, 2008, с. 155.

28 Баранов, 2007, с. 519–522.

референцию, причем его родовая принадлежность осложняется: он может либо сохранять мужской род, либо функционировать как существительное общего рода. Эта морфологическая непарность особенно характерна для официальных разновидностей, между тем как в неформальных письменных жанрах и в разговорной речи наблюдается большая приверженность парной модели. Таким образом, в той же газетной статье об иске матери-донора встречаются то *истец* и *ответчик* (оба общего рода), то феминативы *истица* и *ответчица* для обозначения тех же лиц, в зависимости от того, относится ли данная фраза к тексту решения суда или к рассказу журналиста о процессе.²⁹

Свобода слова, эвиденциальность и эпистемическая модальность

Перейдем теперь к разбору ключевой темы: как разграничить *утверждения фактов* и *выражения мнения*? Как известно, ст. 10 Международной конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ гарантируют свободу слова, иначе: выражения собственного мнения.³⁰ Следовательно, только утверждения могут стать предметом судебного разбирательства. Но как можно разграничить эти два типа высказывания друг от друга? С философской точки зрения тут вроде бы все ясно: только утверждения можно сопоставить с внеязыковой действительностью, и тогда они могут оказаться верными или ложными. В последнем случае их автор может при выполнении других условий (например, унижение чести, достоинства и деловой репутации другого лица) быть наказан за это высказывание.

В языковом плане, однако, мы сталкиваемся с огромными трудностями при выборе нужной интерпретации. Во-первых, само понятие «выражение личного мнения» не может претендовать на статус лингвистически определяемой категории. Не лучше обстоит дело и с оценкой: одно дело, например, моральные, эстетические или утилитарные оценки,³¹ но совсем другое — оценка истинности

29 См. <http://www.chassuda.ru/arhive1.php?delo=1122>.

30 Подробнее об этом: Осадчий, 2007, с. 15–23.

31 О классификации оценок Н.Д. Арутюнова, 1998, *Язык и мир человека*, Москва, с. 183–215, о категориях частных оценок особенно с. 198, о соотношении оценки и мнения там же, с. 180.

(вероятности) события; первые, например, чаще всего выражаются лексическими средствами, последняя относится к эпистемической модальности, где лексика и грамматика пересекаются. Если в судебной практике эти вещи не различаются,³² то с лингвистической точки зрения это явно неудовлетворительная ситуация, поскольку оценки истинности обычно обосновываются и тем самым вписываются в аргументативные схемы (см. ниже). Во-вторых, здесь опять возникает проблема неоднозначности, поскольку как для утверждений фактов, так и для оценок существует целая гамма более или менее эксплицитных маркеров, или они вообще отсутствуют.³³ Так, самым эксплицитным вариантом оформления обоих типов можно считать, с одной стороны, соответствующие перформативы *утверждаю, сообщаю* и их модально маркированные производные («hedged performatives») вроде *приходится констатировать, спешу доложить*, с другой стороны, 1-ое лицо глаголов мышления *Я считаю/думаю/предполагаю/подозреваю/сомневаюсь/уверен*. Промежуточную позицию на этой шкале эксплицитности-имплицитности занимают показатели эпистемической модальности вроде вводных слов и наречий (*мне кажется, видимо, судя по всему, по-моему, наверное, вероятно, возможно, может (быть), вряд ли*, и т.п., которые по принятому в судебной практике правилу оформляют оценочный тип высказывания, т.е. выражения мнения (см. об этом ниже). Еще слабее вырисовывается оценочный характер в подтипе риторических вопросов *А не Р ли?* (ср. «А не на руку ли решение Министерства Х-у?»), которые на самом деле «вводят выделенную информацию как тезис дальнейшего обсуждения и доказательства».³⁴

Остановимся коротко на эксплицитных показателях категории эвиденциальности (указания на источник информации, на который говорящий опирается). Эта область далека от однородности. К примеру, два высказывания *Наверно, это звонит директор* и *Кажется, это звонит директор* уместны в двух разных ситуациях (в первой говорящий только поднимает трубку, во второй он уже услышал

32 Это вытекает из раб. Баранов, 2007, с. 32–34. Ср. также: «Конструкции со словами „наверное“, „мне кажется“ и подобные расцениваются как предположения и приравниваются к выражению мнения» (Осадчий, 2007, с. 18).

33 См. Баранов, 2007, с. 26–39.

34 Баранов, 2007, с. 35.

голос и теперь старается его идентифицировать).³⁵ Даже в паре *Кажется, фильм хороший* и *Мне кажется, фильм хороший* описываются два разных положения дел: второе выражает по Булыгиной и Шмелеву просто неуверенную оценку, а первое указывает на чужой источник оценки (квотатив). Здесь не место углубляться в обзор всех типов эвиденциальных маркеров,³⁶ ограничимся пока лишь самой общей картиной: говорящий может сослаться на собственное восприятие либо воспоминание (*кажется*), указать на логический вывод (*по-видимому, должно быть*), передать чужую речь (*говорят*), либо на отсутствие такого источника (*по-моему, мне кажется*). Вдобавок, некоторые выражения могут относиться к разным типам: так, *кажется, вроде, (как) будто* могут оформлять передачу чужой речи или неуверенную интерпретацию, основанную на собственном восприятии.³⁷ Все это семантическое поле осложняется еще шкалой оценки вероятности события, на которой можно поместить ряд *несомненно, наверно, вероятно, возможно, может быть, вряд ли* и т.п., т.е. собственно эпистемической модальности. Таким образом, приведенные выражения оформляют одновременно эвиденциальную и эпистемическую семантику.

Сказанное имеет непосредственное отношение к нашей главной теме. К примеру, высказывание *Президент, по-видимому, пьян: он еле держится на ногах (мелет чепуху, от него разит и т.п.)* не отражает просто личное убеждение говорящего и не является предположением, а скорее выводом, основанным на восприятии говорящего: это дедукция причины из наблюдаемого поведения, ср.

<u>вывод</u>	←	<u>предпосылка</u>
причина	→	следствие
<u>еле держится</u>		<u>президент пьян</u>

35 Примеры взяты из раб. Т.В. Булыгина & А.Д. Шмелев, 1997, *Языковая концептуализация мира*, Москва, с. 300–304. См. также: Е.С. Яковлева, 1994, *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, Москва.

36 J. Van der Auwera, V.A. Plungjan, 1998, “Modality’s Semantic Map”, *Linguistic Typology* 1(2), с. 79–124. О типах эвиденциальности в разных языках мира см. А. Aikhenvald, 2004, *Evidentiality*, Oxford, об их выражении в разных славянских языках см. В. Wiemer, ed. 2008, *Lexikalische Evidentialitäts-Marker in slavischen Sprachen*, München & Wien.

37 О смысловой разнице между *кажется* и *вроде/как будто* см. Яковлева, 1994, с. 233.

Вводные слова *видно, по-видимому* (как, кстати, и *наверно*) маркируют след этой ментальной операции, причем они не прикреплены к зрительным стимулам, а могут в принципе указать на любые предпосылки, на которых зиждется данное заключение. Но главное в другом: приведенное обоснование ведь не бесспорно, поскольку описываемый симптом может иметь совсем другую причину (например, приступ болезни). Таким образом, перед нами фрагмент возможной *аргументации*, к которому можно придаться двояко, поскольку как описание симптома, так и постулируемая причинно-следственная связь могут оспариваться.

Поэтому представляется совершенно непонятным, что такие высказывания только из-за наличия модального показателя механически исключаются из сферы предметов судебной защиты. Вместо этого здесь следовало бы учитывать степень категоричности эпистемического показателя: так, с помощью *бесспорно, несомненно* говорящий характеризует свой вывод как единственно возможный (т.е. не принимает в расчет альтернативных причинно-следственных связей), между тем как *наверно, вероятно* смягчает гипотезу, а в случае *может (быть)* допускается даже возможность столь же вероятной альтернативной интерпретации (других причин данного положения дел). Поэтому эти вводные слова указывают не столько на субъективную оценку степени достоверности, сколько на рациональное взвешивание разных объяснений. Почему бы юристам не учитывать именно эту шкалу категоричности в качестве смягчающего либо отягчающего обстоятельства при оценке потенциального посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию истца?

С другой стороны, нельзя отрицать, что не все эвиденциальные выражения имеют одинаковые шансы попасть в суд. «Импрессивные» показатели *кажется, вроде, (как) будто* указывают прежде всего на неуверенность говорящего при интерпретации своего непосредственного восприятия. Поэтому такие показатели реже появляются в судебных экспертизах: фразы типа *Кажется, здесь пахнет газом* или *Там, кажется, все тихо* вряд ли вызовут гражданское дело. Но как быть с оценками чужого поведения, например, с формулировкой *Кажется, президент пьян*? Говорящий здесь судит о состоянии субъекта на основе перцептивных,³⁸ но недостаточных

38 В частности, это заключение может подсказать обоняние, ср.: «В узком проходе

данных; значит, перед нами опять дедукция причины из внешнего симптома. Чем отличается такая интерпретация от вывода, лежащего в основе варианта с *наверное*? Видимо, в первую очередь тем, что *наверно* необязательно предполагает наличие перцептивного источника информации. Тем не менее проведенная в литературе граница между импрессивной и гипотетической оценкой оказывается теперь размытой. Не меняется эта картина и при выборе импрессивных маркеров *вроде* или *как будто*, хотя в последнем случае может актуализироваться метафорическое прочтение опьянения.³⁹ Самым «необязывающим» вариантом является *По-моему, президент пьян*: с помощью такой формулировки говорящий подчеркивает, что это только его личное мнение, которое он не обязан мотивировать.⁴⁰

Иначе трактуются в судебном деле показатели передачи чужой информации: случай эксплицитной или имплицитной ссылки на чужую информацию, правда, не учитывается в самой статье 129 УК РФ, но в соответствующем Комментарии он приравнивается к прямой информации.⁴¹ Иначе говоря, ни *По мнению наблюдателей, президент был пьян* ни *Говорят, что президент был пьян* не изъяты из правовой защиты чести и достоинства президента. Остается тогда вопрос двузначности варианта *Кажется, президент пьян* (передача чужой речи или неуверенная оценки собственного восприятия?); по выше изложенным соображениям, оба варианта должны в принципе быть подсудны, хотя по разным причинам.

между четырехэтажным корпусом и длинной стеной низеньких сараев я вижу лежащего на спине человека. Останавливаюсь возле него. В нос ударяет запах вина. Он, кажется, пьян (<http://magazines.russ.ru/neva/2008/10/taz-pr.html>).

39 Ср.: «[...] все время испытывал нечто подобное тому, что он испытывал перед отъездом из Москвы, — что опять он как будто пьян от какой-то тяжелой болезни». (<http://i-bunin.ru/proza/mitina-1-15.html>).

40 Впрочем, и здесь обоснование не исключено, ср.: «Парни, да он по моему пьян. Городить такое в общение не дозволено». (<http://forum.uazbuka.ru/archive/index.php/t-44665.html>).

41 http://www.labex.ru/page/kom_uk_129.html. Интересно отметить, что в соответствующих статьях швейцарского Уголовного кодекса (ст. 173 и 174) упоминается и этот случай, ср.: «wer eine solche Beschuldigung oder Verdächtigung weiterverbreitet».

Оценка имплицитной информации

Особого анализа требует отсутствие какого-либо модального показателя при очевидном наличии модального значения. Этот случай представлен в высказываниях о 2-ом и 3-ем лице типа *Он виноват, Вы ошиблись, Президент пьян* и т.п., которые в принципе могут выполнить как функцию утверждения, так и личной оценки. Их судебная трактовка на наш взгляд неудовлетворительна: «Если же фраза не содержит таких слов-маркеров, она квалифицируется экспертом как сообщение сведений».⁴² С лингвистической точки зрения вопрос, какие интерпретации можно приписать таким модально немаркированным предложениям и какую роль при этом играет окружающий контекст, совсем не тривиален и пока весьма слабо изучен. Прежде всего, оговоримся сразу, что диапазон возможных здесь неассертивных актов речи не исчерпывается личными оценками. Так, фраза типа *Президент пьян* может появиться в цепочке предложений, которая вся находится в сфере действия миропорождающего глагола вроде *представьте себе* либо *допустим*; такую же функцию могут выполнять номинализации вроде *предположение* или *гипотеза*, а также союз *если*. То же самое касается показателей передачи чужой речи либо чужого мнения типа *говорят, кажется, по неофициальным источникам, судя по слухам* и т.п. Иными словами, любые операторы эвиденциальности могут в принципе охватывать более крупные куски текста, чем отдельные предложения; тем самым увеличивается количество фраз, потенциально выражающими оценку без соответствующего сигнала. Частным случаем этой ситуации можно считать тексты, заголовок которых уже содержит такой показатель источника информации, например *легенда*.⁴³ Но где потом в тексте заканчивается этот фиктивный мир, может быть неясно, поскольку отсутствуют разграничительные сигналы; их могут заместить косвенные показатели членения текста.⁴⁴

42 Осадчий, 2007, с. 18. Имеются в виду маркеры эпистемической модальности.

43 Такой пример приводится в: Баранов, 2007, с. 36; автор здесь говорит о наследовании модальности.

44 В лингвистике текста такая ситуация весьма распространена. К примеру, обоснование предыдущего утверждения может охватывать более крупный фрагмент текста, причем ни его начало, ни конец не маркируются эксплицитными средствами.

Совсем другой фактор регулирует взаимодействие эвиденциальности и *референциальной* системы: известно, что говорящий может с уверенностью высказываться только о своих собственных потребностях, ощущениях, чувствах, мыслях и т.п., между тем как внутренний мир других ему не доступен («Чужая душа потемки»).⁴⁵ В таком случае он может только задать вопрос вроде «Вы огорчены?» либо на основании собственных наблюдений или другого источника информации строить гипотезу; в последнем случае соответствующие высказывания должны быть модально маркированы (ср. «Кажется, Вы огорчены», «Ты, видимо, рада, что...», «Может, она думает, что...» и т.п.). Такой показатель может, однако, отсутствовать, если характеристика психологического состояния убедительно мотивируется названием симптома, ср. *Она раздражена, у нее руки дрожат*. Таким образом, мы вернулись к выше описанной ситуации: оказывается, что и модально немаркированная версия *Президент опять выпил: он еле держится на ногах* функционирует как вывод, и перед нами опять аргументативный дискурс. Условия такого опущения маркера вывода пока не изучены, что не облегчает задачу лингвистического эксперта.

Есть еще и другая разновидность эпистемически немаркированных высказываний о внутреннем состоянии других: чаще всего они оформляют такие акты речи как упрек, порицание и критика, ср. «Рано радуетесь!», «Пресса *напрасно* радуетесь», где рема состоит из маркера оценки (*рано, напрасно*), а предикат-описание чужих переживаний функционирует как пресуппозиция.⁴⁶ Не подлежит сомнению, что рематическая часть таких предложений защищена принципом свободы выражения мнения и не может стать предметом судебного спора. Зато вытеснение предиката внутреннего состояния в пресуппозицию может оказаться проблематичным, поскольку эта информация приобретает теперь особый статус: она не относится ни к выражениям личного мнения, ни к утверждениям факта, а предполагается как заранее известная и ее истинность скрыто подразумевается. Для иллюстрации: во фразе *Все присут-*

45 Подробнее об этом: D. Weiss, 2009, "Fundamentals of Ego-linguistics," *Perspectives on Slavistics 2: Proceedings of the Second International Perspectives on Slavistics Conference*, eds. S. Birzer, M. Finkelstein & I. Mendoza, München, с. 149–63.

46 О роли пресуппозиций в судебных экспертизах см. Баранов, 2007, с. 48–51.

ствующие огорчены тем, что президент опять пьян две информации Президент в данный момент пьян и Президент и до этого уже бывал пьян вообще не могут оспариваться прямым способом, т.е. ответ *Да* или *Нет* здесь не возможен;⁴⁷ такой ответ мог бы только осмыслиться как реакция на главное предложение *Все присутствующие огорчены*. Отметим, что содержание пресуппозиции могло быть выражено в явном виде в предыдущем тексте, но это вовсе необязательное условие.

Описанный эффект навязывания пресуппозиции имеет универсальный характер: в любом дискурсе (не только с персвазивной ориентацией) выбранное автором распределение отдельных информаций по ассертивной и пресуппозитивной частям может вызвать подозрение в лингвистической демагогии либо манипуляции.⁴⁸ Поэтому кажется целесообразным создать наряду с утверждением факта и выражением мнения еще категорию *имплицитной информации*.⁴⁹ Представляется, что правовая оценка таких формулировок должна именно из-за их скрытого характера быть более строгой, чем оценка обычных утверждений, т.е. имплицитную кодировку информации следовало бы трактовать как отягчающее обстоятельство при назначении меры наказания.

Перечисление всех типов неявных информаций, которые здесь следует выделить, ввиду их огромного разнообразия в рамках этой статьи невозможно; пока ограничимся указанием на то, что только подмножество их релевантно для правовой оценки. Так, в отличие от пресуппозиций, *грайсовские конврсационные имплицатуры* сюда не относятся, потому что они необязательны, адресат их раскрывает как будто на свой риск.⁵⁰ Кроме того, имплицитная инфор-

47 Это, разумеется, не значит, что возможный оппонент бессилён: он может, например, отвергнуть пресуппозицию словами «Но президент ведь вообще не был пьян!»

48 О демагогическом употреблении пресуппозиций см. Левонтина, 2008, об их потенциально манипулятивном характере Осадчий, 2007, с. 23–26 (там, правда, термин пресуппозиция не употребляется).

49 О недочёте имплицитных слоев плана содержания в законодательстве см. также Баранов, 2007, с. 41–42.

50 Следующий анекдот иллюстрирует такое раскрытие имплицатуры собеседником: «У тебя очень недурная секретарша.— Да, её муж тоже так считает». О ненаказуемости факультативных следствий в делах о защите чести и достоинства см. Баранов, 2007, с. 44–55.

мация должна быть однозначно воспроизводима (вербализуема) для того, чтобы учитываться перед судом. Приведем вымышленный пример: в следующем объявлении (см. рисунок ниже) москвичи ставятся в один ряд с дебилами и уродами. Было бы однако абсурдно из этого заключить, что перед нами образец имплицитного возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 292 УК РФ): с одной стороны, семантика сочинения однородных членов действительно предполагает существование общего знаменателя составляющих, но с другой стороны, в данном случае нельзя однозначно сформулировать этот общий компонент, так что честь населения многомиллионного города этим объявлением не затрагивается.

С другой стороны, *коннотации* отдельных лексем имеют устойчивый характер и по определению должны быть доказуемы на основе других языковых выражений.⁵¹ Другими словами, их реконструкция однозначна и обязательна.

Пора подвести итоги. Из всего изложенного следует, что судебная практика должна при оценке «вербальных преступлений» в большей мере руководствоваться лингвистически дифференцированными понятиями. В частности,

1) разница между суждениями, обоснованными на логическом выводе, и такими, которые действительно отражают лишь субъек-

51 Ср. в связи с этим: Л. Иорданская & И. Мельчук, 1980, «Коннотация в лингвистической семантике», *Wiener Slawistischer Almanach* 6, с. 191–210.

тивное убеждение говорящего, должна систематически приниматься в расчет. Стратегия причисления первой категории к выражениям мнения, господствующая до сих пор в российском судопроизводстве, рационально неоправданна, она работает односторонне в пользу ответчика; аргументативный дискурс должен допускать и опровержение предположения, свобода слова тут, кажется, ни при чем.

2) Имплицитная информация пропозиционального характера не относится ни к утверждениям, ни к выражениям мнения. В силу ее неявности затрудняется оспаривание ее содержания; поэтому при нарушении положений закона ее правовая оценка должна быть более строга чем оценка соответствующего эксплицитного утверждения. При этом данная информация должна, однако, выполнить сформулированные А.Н. Барановым условия обязательности и вербализуемости реконструкции.

В заключение хочется подчеркнуть, что юридические нормы, лежащие в основе выше обсуждавшихся статей, не могут полностью строиться на лингвистически определяемых понятиях; они по сути своей непременно огрубляют языковую картину. Тем не менее, такие основные дихотомии как аргументативный и субъективно-оценочный тип дискурса или эксплицитная—имплицитная подача информации могут и должны учитываться законодателем настолько, насколько они релевантны для правовой оценки данного дела.